

5 апреля 2023 г.

«Нас не отменяют: состоятельные супруги продолжают делить активы в иностранных судах».

Крупные бракоразводные процессы с участием выходцев из стран постсоветского пространства давно не сходят с первых страниц иностранных таблоидов. И декабрь прошлого года ознаменовался редкой для российского юридического рынка новостью из мира HNWI divorce: «ньюльф» LEVEL Legal Services и юридическая фирма БИЭЛ Филипп Рябченко объявили о стратегическом альянсе в сфере трансграничных семейных и наследственных споров. Рискованно ли частным клиентам сегодня судиться на Западе, зачем им нанимать при разводе юристов со знанием международного права и где найти средства для оплаты дорогостоящего зарубежного процесса, рассказывают партнер, глава практики международных судебных споров LEVEL Legal Services Денис Алмакаев и управляющий партнер юридической фирмы БИЭЛ Филипп Рябченко.

Денис Алмакаев (справа) и Филипп Рябченко

Предоставлено LEVEL Legal Services и БИЭЛ

— В декабре 2022 года вы объявили о стратегическом альянсе в сфере трансграничных семейных и наследственных споров. Расскажите, чем вызван спрос на такой правовой продукт?

—Денис Алмакаев: Начнем с того, что это вообще такое — трансграничные семейные споры. Если упростить все донельзя, то у состоятельных россиян (те самые high net worth individuals) зачастую есть активы за рубежом, а также мужья или жены, с которыми они иногда разводятся. И если обычный человек за разделом совместно нажитого имущества отправится в районный суд, поделит в нем условные квартиру, машину, гараж — и на этом все, то поделить в районном суде то, чем владеют богатые и сверхбогатые люди,— виллу на Лазурном берегу, оформленную на номинального держателя, корпоративные структуры, учрежденные где-нибудь в Карибском бассейне, трасты и фонды в Лихтенштейне с миллионами долларов на счету — крайне сложно. И поэтому, пытаясь добраться до скрытых зарубежных активов, наши клиенты рано или поздно оказываются в иностранном суде, где им становятся нужны российские юристы, имеющие международные квалификации и международный опыт.

—Филипп Рябченко: Строго говоря, такие юристы становятся нужны еще в досудебном периоде, когда отношения между супругами протекают мирно и гладко. Найти семейного юриста с трансграничной экспертизой на этой стадии будет верхом предусмотрительности, поскольку именно он поможет правильно структурировать и обезопасить зарубежное имущество клиента от последствий развода или неожиданных санкций.

— Неужели на фоне глобальных проблем последнего года люди думают о разводах и разделе имущества?

—Д. А.: Хороший вопрос! Некоторые конфликты возникают именно на фоне глобальных проблем. С другой стороны, мы видели как минимум один случай, когда геополитические сложности подтолкнули супругов к миру. В итоге вместо суда мы теперь помогаем клиенту сохранить полученные активы и перестроиться для жизни в новых условиях.

—Ф. Р.: Некоторые пытаются использовать развод или раздел имущества для обхода санкций. Мы предостерегаем наших клиентов от этих необдуманных шагов, поскольку не надо думать, что регуляторов можно легко водить за нос.

Меж тем некоторые документы, составленные до введения санкций, могут заиграть новыми красками и открыть некоторые возможности в свете текущей политической ситуации.

— Все же ваш уникальный альянс стал для рынка неожиданностью, поскольку у вас разные направления экспертиз. Филипп давно известен на российском рынке как ведущий эксперт по семейному и наследственному праву. Но как в семейных делах оказываются юристы-международники?

—Д. А.: Судебная практика LEVEL Legal Services (экс-команда ведущей международной юридической фирмы Hogan Lovells.— “Ъ”) традиционно представляла и представляет крупных институциональных кредиторов при обращении взыскания на зарубежные активы их должников. Однако именно из таких дел выросла наша семейно-правовая экспертиза: зачастую банкам приходится влезать в вопросы раздела имущества супругов, когда последние пытаются сыграть между собой «договорной матч». Например, супруги могут поделить активы так, что супруг-должник оказывается ни с чем, а второй супруг получает те самые активы, за которыми кредиторы долго и упорно охотились.

—Ф. Р.: Если говорить о наших экспертизах, то моя основная специализация — российское право, в том числе применяемое за рубежом. А Денис и его коллеги из LEVEL Legal Services — это эксперты международного уровня с первоклассным знанием как российского, так и иностранного права.

Клиентские запросы разнообразны: клиент может стремиться окончательно переехать за рубеж или желать уберечь свои зарубежные и российские активы от санкционных рисков, и чтобы сделать это правильно, необходимо соединить российское и международное право. Актуальность подобных запросов растет день ото дня, потому что состоятельные люди, ранее имевшие разветвленную сеть имущества и компаний, сейчас обречены подстраиваться под изменчивую обстановку и искать себе в помощь постоянного юриста. Наша с Денисом профессиональная синергия помогает закрывать такие вопросы.

Раньше мы действовали разобщенно — когда у клиентов Дениса возникал семейно-правовой вопрос, он был вынужден искать экспертов на внутрirosсийском рынке, а я, в свою очередь, искал их за рубежом. Затем по счастливой случайности мы познакомились, провели несколько совместных проектов, увидели, что у нас хорошо — невероятно хорошо! — получается (смеется), и в какой-то момент мы поняли, что пора перестать искать нужных

коллег вовне и просто объединить усилия, выступив единым фронтом. В результате нашего альянса клиент получает готовый продукт, и это удобно всем.

— Филипп упомянул «счастливую случайность». Как вы познакомились?

—Д. А.: Мы работаем вместе уже три года, а познакомились пять лет назад, выступая по разные стороны баррикад по делу о розыске активов бенефициара Межпромбанка Сергея Пугачева. В то время в Лондоне рассматривалось дело об аресте его активов на сумму €1,2 млрд в поддержку российского разбирательства по субсидиарной ответственности банкира. Часть своего имущества он спрятал в новозеландские трасты, и в Высоком суде Лондона нам удалось доказать, что на трастовые активы можно обращать взыскание по аналогии с личными активами. В составе находящегося в трасте имущества был и лондонский особняк Сергея Пугачева. Когда мы приготовились продавать его с торгов, в деле появилась бывшая супруга экс-банкира Галина Архипова и заявила, что активы трастов являются совместно нажитым имуществом. Ее интересы представляли английские адвокаты, и им был нужен эксперт по российскому праву, который объяснил бы английскому суду, как работает российское семейное право. Угадайте, кто был этим экспертом? Конечно, Филипп.

Когда я читал правовое заключение, которое он подготовил, я думал: «Черт побери, ведь мы могли выиграть быстро, а теперь будем выигрывать напряженно и сложно». Мы с коллегами разбирали то виртуозное заключение по абзацам, потому что в каждой строке было что-то, над чем было интересно поломать голову. И, конечно, к столь серьезной схватке нам пришлось капитально готовиться.

Уже после завершения этого спора мы встретились с Филиппом на одной юридической конференции по семейному праву и принялись в кулуарах спорить о том, кто был прав в том деле. По итогу каждый остался при своем мнении, но спустя несколько месяцев Филипп пришел ко мне со словами: «Слушай, есть очень сложный спор — он связан с интеллектуальной собственностью и включает в себя несколько юрисдикций: от Голландии до Кипра, здесь нужны эксперты по международному праву. Давай поработаем вместе». С тех пор мы работаем в связке, и я отдаю Филиппу должное: он обратился за помощью с новым делом к бывшему процессуальному противнику, на что способен не каждый юрист.

—Ф. Р.: Когда я писал свои возражения на позицию стороны, которую представлял Денис, по делу Сергея Пугачева и его супруги, меня, в свою очередь, приятно удивила четкость позиции оппонента, детальная проработка каждого тезиса. Мне доводилось встречать такой профессионализм у некоторых английских юристов, но не у российских коллег. Заинтересовавшись, я принялся выяснять, кто работает против нас. Денис в том проекте, безусловно, играл одну из ведущих ролей, и я не мог этого не заметить. По завершении проекта мы начали сотрудничать, и я не жалею об этом ни секунды.

— Сегодня семейное право воспринимается как серьезная практика, но ведь так было не всегда.

—Ф. Р.: Совершенно верно. Я бы сказал, что после того, как в 2012–2013 годах я провел прогремевший на всю страну развод четы Ротенбергов, многие юридические фирмы начали выдвигать свою семейную практику на передний план. Затем последовал развод Владимира и Наталии Потаниных, Дмитрия и Елены Рыболовлевых, начались массовые разводы других крупных бизнесменов, трансграничные разделы их имущества... Рынок наконец обратил пристальное внимание на семейное право, и сегодня оно воспринимается как вполне серьезная практика.

Такой итог был довольно предсказуем — юристам нужно было просто дожждаться времени первоначального накопления капитала. С годами люди обрывают деньгами, стареют и хотят поменять все: машины, дома, супругов... Но, меняя супруга, иногда приходится воевать, потому что он или она не всегда остаются довольны предлагаемым сценарием. Помимо прочего семейное право включает в себя не только споры, но и структурирование активов, и в нашей совместной работе с Денисом я вижу большой потенциал.

— Прошлый год выдался сложным не только для мировой экономики, но и для юридического бизнеса: он пережил начало СВО, усиление санкционного давления на Россию и последующее ограничение допуска европейских юристов к оказанию услуг российским доверителям. Возникают ли у вас сложности с представлением интересов частных клиентов за рубежом?

—Д. А.: В первые месяцы после начала СВО международные юридические фирмы одна за другой объявили о своем уходе с нашего рынка. С ними уехало и немало юристов-международников. Кто-то в принципе отказался работать на российских клиентов даже из-за рубежа. Одновременно сильно затормозились зарубежные

судебные процессы с участием россиян: западные судьи напряженно думали, как теперь рассматривать споры с российскими лицами. Витало ощущение, что сейчас нас окончательно «отменяют» и про иностранные споры можно будет забыть. Но прошел год, мы перегруппировались и продолжаем работать. В дружественных юрисдикциях уже проходят целые конференции, посвященные работе на русских клиентов в иностранных судах. Мне довелось выступать на одной из них несколько недель назад. Присутствующие юристы высказывались на удивление единодушно: да, работать стало сложнее, но делать это по-прежнему можно и нужно.

Опять же у нас нет самоцели судиться именно за рубежом: мы готовы слушаться в российских судах, когда для этого есть возможность. Но что делать, если основные активы твоего клиента (или его оппонента) находятся вне в России? Здесь волей-неволей придется взаимодействовать с иностранной судебной системой.

Клиенты часто интересуются, есть ли проблема предвзятости по отношению к россиянам. Да, ситуация сейчас не самая простая, но судьи так называемых стран коллективного Запада стараются не перекрывать нашим соотечественникам доступ к правосудию. В конце концов, есть фундаментальное право на судебную защиту: никого нельзя лишать возможности отстаивать свою точку зрения в суде. И уж тем более нельзя это делать по признаку национальности! С этим, к слову, согласно большинство наших зарубежных коллег по цеху, да и у иностранных судей зачастую возникает серьезный дискомфорт, когда местные органы исполнительной власти занимаются откровенной дискриминацией. Именно суды постепенно начинают разбираться со всем антиправом, которое родилось за последний год. Уже есть первые решения и первые поводы для осторожного оптимизма.

—Ф. Р.: Что касается проблемы по ведению споров в иностранных судах, то она у нашего альянса отсутствует в принципе. Та экспертиза, которой обладают судебные юристы LEVEL Legal Services, несмотря на антироссийские санкции, никуда не исчезла, но при этом исчез административный барьер, который существовал бы, останься иностранная юридическая фирма работать в России. А иностранное образование Дениса и его коллег помогает им представлять интересы клиентов в международных процессах — в тех юрисдикциях, где это разрешено и возможно.

Кроме того, обширные трансграничные связи, которыми обладают коллеги из LEVEL Legal Services, позволяют найти юристов для участия в процессе почти в любой точке мира. Клиент избавлен от необходимости думать, в какой стране судиться, кто возьмется вести его дело за рубежом, и т. д.— наш альянс полностью снимает эти проблемы. Определенные трудности существуют в области перечисления средств за рубеж, но опытные юристы решают эту проблему законным путем — это возможно, если механизмы работы по тонким вопросам отточены.

— Хорошо, предположим, «несанкционный» клиент сможет добиться правосудия в иностранном суде. А как насчет олигархов, которые находятся под санкциями? Разве им не опасно сейчас судиться за рубежом?

—Ф. Р.: Если говорить об отношении к олигархам со стороны иностранных судов — бесспорно, оно стало более строгим, да и подсознательное желание обвинительного уклона по отношению к могущественному человеку не стоит сбрасывать со счетов. Кроме того, иностранные судьи в белых париках не сакральные фигуры, а живые люди. Ровно так же, как и мы, они испытывают давление сложившейся на Западе атмосферы, опасаются лишнего внимания или подозрений в коррупции в случае, если вынесут позитивное решение в отношении подсанкционного российского лица. По моему личному мнению, объективность иностранных судов применительно к подсанкционным лицам сейчас заметно страдает. Многое в процессе зависит от юристов, но судиться за рубежом точно стало дороже и тяжелее.

—Д. А.: Санкции санкциям рознь. Однозначно непросто приходится лицам, находящимся под прямыми блокирующими санкциями. Даже такие банальные вещи, как оплата услуг юристов, даются с боем. Но и у таких лиц есть пространство для маневра — к примеру, Англия ввела специальные правила, позволяющие подсанкционным лицам платить своим английским юристам, но в рамках заранее определенной (и несколько ограниченной) суммы. Если такой суммы не хватает, юристы могут обратиться к регулятору за получением специальной лицензии и тем самым поднять этот потолок. А если регулятор не дает такой возможности, то рискует сам оказаться ответчиком по административному иску (так называемый *judicial review*).

— За последние несколько лет участилась практика пересмотра решений российских судов о разделе имущества именно английскими судами. Как

вы считаете, с чем это связано?

—Д. А.: В Англии существует специальный закон (Part III Matrimonial and Family Proceedings Act 1984), позволяющий финансово слабой стороне, недовольной решением иностранного суда, разделить активы «более справедливо», по английским лекалам. Что имеется в виду? Например, активы одного из супругов могут быть спрятаны в трастах, сложных корпоративных структурах или даже переведены на номиналов. Далеко не все страны позволяют добраться до таких активов и поделить их. Англия — один из ярких примеров юрисдикции, где суды готовы делить даже самые «сложные» активы. Так, адвокаты бывшей супруги Владимира Потанина Наталии пытаются доказать в английском суде, что в российском семейном праве есть значительные пробелы — и английское право должно эти пробелы восполнить.

Так вот, приехав в Англию, иностранец может обратиться в Лондонский суд с требованием учесть при разделе не только имущество бывшего супруга, которым он владеет непосредственно, но и активы, находящиеся в косвенном владении у номинальных держателей или скрытые в трастах.

После проверки реальности связей иностранного истца с Великобританией английский судья оценивает, насколько справедливо разделили имущество его российские коллеги, и может восполнить возможный дисбаланс. Поэтому истории с подачей подобных исков со стороны ущемленных (как они считают) участников развода уже превратились в целую индустрию. Само собой, война за активы стоит дорого — истцу нужен серьезный запас денежных средств и запас терпения, ведь такие дела могут длиться несколько лет. Но практика показывает, что чаще всего игра стоит свеч.

—Ф. Р.: Если спор в России не заканчивается миром, одна из сторон всегда остается недовольной. Как у Пушкина: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и — выше». Полагать, что в некоей волшебной стране безгрешные люди рассудят все по совести, было бы наивно — это утопия, и такого рода юридический туризм не всегда оборачивается легкой прогулкой. Утверждение о возможности более справедливого раздела нажитого в браке активно раскачивается прессой — взять хотя бы кейсы Елены Рыболовлевой или Татьяны Ахмедовой, дополучивших в Англии большие суммы. Однако стоит помнить, что есть жены, деятельно участвующие в бизнесе мужа, а есть спокойные

домохозяйки, всю жизнь занимавшиеся возвращением детей и обеспечением мужу тыла. И судебная справедливость может оказаться одинаковой не для всех.

— Сейчас стало модно привлекать трансграничных юристов даже к анализу брачных договоров, которые заключаются в России. В чем причина этого тренда?

—Д. А.: Трансграничных юристов привлекают потому, что в дальнейшем этот брачный договор, возможно, будет с пристрастием оцениваться в иностранном суде. И нужно, чтобы кто-то взглянул на него глазами иностранного судьи и подумал над тем, устоит ли этот документ в зарубежном процессе, если он вдруг там окажется.

— Не секрет, что споры о разделе имущества за рубежом чрезвычайно дороги: просудиться в Англии часто стоит свыше £1 млн. Где же бедной слабой стороне спора взять деньги для оплаты ваших дорогостоящих услуг?

—Д. А.: Зависит от той страны, где предстоит судиться. Например, в США и Великобритании серьезно развита индустрия внешнего финансирования судебных процессов, в том числе это касается и бракоразводных дел. Не секрет, что известное дело о разделе имущества Татьяны и Фархада Ахмедовых в Высоком суде Лондона финансировалось судебным фондом. В России аналогичный бизнес пока только развивается: институциональных игроков не так много, и предоставление финансирования происходит от случая к случаю.

—Ф. Р.: Коллеги из LEVEL Legal Services хорошо знакомы с рядом западных судебных инвестиционных фондов и общаются с ними на регулярной основе. Кроме того, специфика нашей работы такова, что мы работаем непосредственно с собственниками крупного бизнеса, и некоторые наши клиенты также готовы финансировать потенциально интересные и сложные кейсы за рубежом.

Интервью взяла Юлия Карапетян